

Н.М. Селиверстова

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО И "ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ". (на примере Самарской губернии).

В последние несколько лет в современном общественном сознании явно проявилась склонность к проведению исторической параллели между настоящим и "эпохой Великих реформ", как называли 60-е годы XIX века. Тогда, как и сейчас, происходила ломка привычных укладов жизни, человек мог ощутить, что распалась связь времен, и должен был искать свое место в изменившихся условиях. Но исторические аналогии не всегда оправданы и каждая конкретная ситуация уникальна. Современному самарскому горожанину сложно представить себе губернскую провинцию полуторавековой давности, тем более попытаться понять систему ценностей и представлений, через которую люди середины прошлого века осваивали рамки своего времени.

Предметом данной статьи является не только попытка нарисовать обобщенный портрет самарского провинциального дворянства накануне реформ, но также представить конкретные лица тех его представителей, чья деятельность оставила наибольший след в исторических источниках.

Самарская губерния была образована в 1851 году из частей Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерний. К 50-60 годам XIX века здесь еще не был завершен процесс колонизации, особенно в степных Николаевском и Новоузенском уездах. Поэтому крепостное население было относительно небольшим, рабочие руки высоко ценились, даже в более заселенных Самарском, Ставропольском, Бугульминском и Бугурусланском уездах. Здесь было достаточное количество имений знати, более тысячи душ каждое, принадлежавших известнейшим фамилиям Орловых-Давыдовых, Воронцовых-Дашковых и других. Так, например, граф Иван Ларионович Воронцов-Даш-

ков обладал крупнейшим в Николаевском уезде имением в 21081 десятин земли и 1316 душ мужского пола¹. Эти вельможи завладели здесь большими землями еще в то время, когда они относительно невысоко ценились в этих краях. Но, как правило, знатные владельцы имений редко навещали свои вотчины в Самарской губернии. Так, в тех же степных южных Николаевском и Новоузенском уездах проживало всего 8 помещиков. Были довольно крупные поместья и у местных дворян, живших в губернии и игравших здесь видную роль. Владения предводителя дворянства Самарского уезда в начале 50-х годов, штабс-капитана Аристарха Азарьевича Путилова располагались в трех уездах: Самарском, Ставропольском и Бугурусланском. За 1856 год эти имения принесли 11247 рублей дохода только деньгами (в том числе чистого дохода 8315 рублей). Одной только пшеницы тут было продано 7963 пуда 20 фунтов². Александр Николаевич Чемодуров, губернский предводитель дворянства, владел в Бугурусланском уезде имением в 1366 душ³. В губернии немалым был удельный вес средних по размерам поместий, от 100 до 500 душ м.п. (это 41,6 процентов от 924 поместий)⁴. В Самарской губернии находилось также большое число мелкопоместных имений, до 100 душ численностью (72,7%) и самые мелкие поместья, менее 21 души, составляли почти третью часть всех поместий в губернии (312 из 924). Откуда же появилась эта масса мелких поместий? Ведь Самарская губерния - район незавершенной колонизации и местное крепостное население переведено сюда лишь недавно из внутренних губерний России. А переселение предпринимали владельцы более или менее состоятельные. По-видимому, появление мелких поместий произошло в результате дроблений и разделов наследства, как указывал на это современник, составитель обзора о поместьях, чиновник Леонтьев⁵. Но был и еще один источник. Высочайше утвержденным мнением Государственного Совета от 20 июля 1843 года малоимущим дворянам Смоленской, Рязанской, Симбирской губерний дозволялось селиться на казенных землях Симбирской губернии (22700 десятин) и в Курганском округе Тобольской губернии. На каждое семейство полагалось по 60 десятин земли безо всяких казенных платежей, но с участием в земской повинности⁶. Когда образовалась Самарская губерния, в нее вошли части Симбирской - Самарский и Ставрополь-

ский уезды, где и было преложено осесть малоимущим дворянам. Как правило, у них не было даже крепостных для поселения на этих землях, за исключением нескольких дворовых. Так, в Самарском уезде из 116 участников лишь на 4-х владельцы поселили своих крестьян. После получения участков владельцы сдавали их в аренду. По прошествии нескольких лет интенсивной эксплуатации земли эти истощались и переставали приносить доход - все возвращалось на круги своя. Чтобы получить такой участок, мелкопоместные дворяне должны были предоставить, кроме грамоты на дворянское достоинство, свидетельство о бедности, которое не раз проверялось и перепроверялось. Для переезда на новое место жительства также выдавалось небольшое денежное пособие, но в нем часто отказывали тем, кто жил недалеко, например, в Самаре. Так, например, в Самарском уезде проживало 17 дворян, попадавших под определение малоимущих (менее 20 ревизских душ), им в целом принадлежало всего 84 души по 10 переписи и 116 десятин земли, причем из 17 владельцев у 10-и земли вообще не было. Кто же эти дворяне? Мелкие чиновники, вдовы, впрочем бывшие замужем за чиновниками и военными иногда достаточно высоких классов (статские советницы, капитанши), сироты. То же количество малоимущих дворян жило в Ставропольском уезде, владея 507 десятинами и 132 душами, 5 человек в Бугурсланском и 7 в Бузулукском уезде. В Бугульминском, Николаевском, Новоузенском уездах по документам не было мелкопоместных владельцев (до 20 ревизских душ)⁷, хотя, конечно, были и другие, также относящиеся к этой категории, но обладавшие чуть большим достоинством. Правительство время от времени предпринимало усилия для того, чтобы, с одной стороны, определить точнее количество нуждающихся дворян, сократив это число за счет тех, кто не мог представить документы на дворянство в полном объеме, а с другой стороны, по возможности облегчить им их материальное положение. Даже при подготовке реформы их интересы учитывались особо, так Я.И. Ростовцев, в будущем глава редакционной комиссии, составляя проект предыдущих образований, отдельно выделял необходимость подготовки законопроекта об устройстве бедных дворян и дворовых. Видимо, различия имущественного уровня дворян и дворовых были таковы, что ничто уже не напоминало первым об их "благородном дворянском достоинстве".

Губерния в целом была по-преимуществу земледельческой. Сеяли более всего пшеницу, как яровую, так и озимую, первую - в южной части, вторую - в северной. Большая часть пшеницы шла на продажу, и вместе со скотоводством это составляло главный источник дохода. Но что только не давало поместье своим хозяевам: особенно приятно это читается в наше неизобильное время. Обратимся к данным по тому же имению А.А. Путилова: кроме ржи и пшеницы сеяли овес, просо, горох, коноплю и гречиху. Разводили своих овец и свиней, гусей, индюков, уток, кур и т.д. и т.п. Длинный перечень занимают продукты переработки этого сельскохозяйственного сырья. Кроме того, если в приволжских уездах (Самарском, Ставропольском, Николаевском и Новоузенском) в основном были земледельческие имения, то на северо-востоке, в уездах Бугульминском, Бугурусланском, Бузулукском, находилось значительное число имений промышленных, с суконными фабриками и винокуренными и кожевенными заводами. Но эти фабрики и заводы, основанные на труде крепостных, как своих, так и перешедших на оброк из чужих поместий, не приносили существенного дохода. Часть помещиков, наиболее просвещенная и обладающая средствами, ориентированная на увеличение товарности своего хозяйства, следила за достижениями агротехнической науки и последними изобретениями в области сельскохозяйственных орудий. В имении Н. Шелашникова в Бугурусланском уезде, в селе Исаклы, даже ежегодно, с 15 по 21 июня, действовала специальная Мариинско-Исаклинская ярмарка земледельческих машин и орудий. Надо отметить, что на выставке наряду с сельскохозяйственными машинами зарубежного производства выставлялись и сельскохозяйственные орудия, сделанные в имении Шелашникова, причем последние пользовались большим спросом⁸. Потребность в этих орудиях обострялась и нехваткой рабочих рук в Самарской губернии.

Как в экономическом, так и в политическом отношении самарское дворянство не было однородным. Особенно сильно это стало заметно в период подготовки реформ. Интерес исследователя вызывает мотивация поступков и выбор определенной жизненной позиции представителями дворянского сословия, тем более, что здесь не прослеживается четкой экономической детерминации. Связать социаль-

но-психологические факторы с политическими и культурными необходимы для исторического проецирования любой ситуации, касается она прошлого или будущего. Конечно, любая проекция должна быть конкретна и строиться на обширном фактографическом материале вполне конкретного региона.

Вот, например, как обстояли дела в Самаре в 1858 году... После известного рескрипта об организации комиссий по подготовке реформ в "Самарских губернских ведомостях" появился циркуляр самарского гражданского губернатора К. К. Грота от 30 января 1858 года "о случаях, когда дворяне-помещики пожелают принять участие в собраниях дворян как для обсуждения об устройстве быта помещичьих крестьян, так и для выбора членов в комитеты"⁹. Эти появившиеся в местной печати документы, а также разнообразные слухи о готовящихся реформах заставили местное дворянство загадывать как пчелиный улей. За несколько дней до открытия Дворянского собрания начались частные вечера и обеды, которые проходили с прениями о предстоящих выборах, о предстоящей перемене отношений между помещиками и крестьянами. Далее последовало открытие Дворянского собрания. В своей речи по этому случаю губернатор Грот в осторожных выражениях, но довольно настойчиво подтвердил намерение правительства заменить "обязательный труд вольнонаемным", то есть отменить крепостное право и обращался к самарским дворянам как к тем, кто знает нужды крестьян и может помочь в деле упрочения сельского устройства¹⁰. Конечно, то, что самарским дворянством в конце концов была высказана просьба к правительству о создании губернского комитета по крестьянскому делу, происходило из предписаний правительственный и местной администраций о создании данного комитета. "Мысль о выражении перед Государем желания освободить крестьян от крепостной зависимости высказали все и никто. Все - как поданные самодержца и никто по убеждению"¹¹. Таким образом, среди провинциального дворянства идея освобождения крестьян не вызывала особого энтузиазма. И хотя самарские дворяне изъявили готовность "исполнить волю Государя относительно устройства и улучшения быта помещичьих крестьян" (там же), было решено ходатайствовать об особых условиях реформы для Самарской губернии. Дворяне признавались в тяжелом мате-

риальном положении, связанном с огромными затратами на переселение крестьян из внутренних губерний России. Это вынудило многих помещиков заложить "не только населенные имения, но даже пустопорожние", а также занимать деньги у частных лиц и кредитных учреждений¹². Обращали внимание на такие особенности местного края, как обилие земель, в том числе удельных и казенных, соседство обширных башкирских земель при нехватке рабочей силы и необходимости сельскохозяйственного освоения земель. Верное своим намерениям правительство в лице главы Комитета по крестьянскому делу С.С. Ланского ответило твердым отказом, считая, что общее положение обязательно и для Поволжья. Вот что содержалось в секретном документе на имя самарского губернского предводителя дворянства: "Главный комитет принял в соображение, что, во первых, приобретение крестьянами в собственность усадебной оседлости послужит самым надежным средством удержать крестьян до настоящего их возвращения". Кроме того, там говорилось о том, что по истечении 12-месячного срока возрастут цены на землю, а возможность обрабатывать землю при помощи пришлых вольнонаемных сельскохозяйственных рабочих помещики имеют уже сейчас¹³. А 9 марта 1858 года вышел высочайший рескрипт на имя Оренбургского и Самарского генерал-губернатора (им в то время был генерал А.А. Катенин) с содержанием, повторяющим предыдущие рескрипты другим губернаторам¹⁴. Засим следовало распоряжение от губернатора о назначении съезда для дворян Самарской губернии по уездам от 15 мая 1858 года. И лишь 25 сентября 1858 года состоялось открытие самарского губернского комитета по крестьянскому делу.

Работа губернского комитета неразрывно связана с именем Ю.Ф. Самарина, который, с подачи губернатора К.К. Грота, был назначен членом комитета от правительства. Но сначала несколько слов о личности Юрия Федоровича Самарина. Существует обширное литературное наследие, оставленное Юрием Федоровичем, много было написано и о нем самом. Но в данной статье нас будет прежде всего интересовать анализ деятельности Ю.Ф. Самарина в качестве члена губернского комитета по крестьянскому делу, а также его взаимоотношения с дворянской средой. Происходил Юрий Федорович из старинной московской дворянской семьи. Отец его, Федор Васильевич

Самарин, в числе прочих имений, владел крупным поместьем Васильевское в Самарском уезде недалеко от Сызрани. Это имение после смерти отца в 1852 году перешло по наследству к Ю.Ф. Самарину. Юрий Федорович получил прекрасное образование (сначала домашнее, затем филологический факультет Московского Университета). Он был талантливым человеком, у которого рано сформировались прогрессивные взгляды. Вот что писал о нем его современник князь В. П. Мещерский: "...Ю. Ф. Самарин был одним из самых оригинальных и замечательных умных русских людей: подобного ему я после никогда не видел... Самарин производил впечатление на того, кто с ним встречался¹⁵. Правда, князь Мещерский отмечал нелюбовь Самарина к дворянству, в то время как Юрий Федорович всей своей жизнью давал всякому право видеть и признавать в нем только дворянина. Круг общения Самарина также ограничивался одними дворянами. Разумеется, он не мог с восторгом относиться к своим противникам, особенно из среды косногого, необразованного, консервативного провинциального и столичного дворянства. В силу служебных обстоятельств Самарин часто сталкивался с разными вариантами решения крестьянского вопроса в остзейских губерниях, в Киеве. Уже в свое первое пребывание в Симбирске и в Васильевском он собирает материалы о крепостном праве. В его бумагах они хранились в особой папке под заглавием: "Материалы для истории мертвящей силы". Еще в Прибалтике он столкнулся со случаем, когда молодой помещик, преодолев узоклассовый эгоизм, предложил наделить крестьян землей. Это произвело сильное впечатление на Самарина, он осознал необходимость общественной и личной инициативы для решения самых важных, даже государственных вопросов.

В 1852 году Самарин взял на себя управление Васильевским и переехал сюда. Ему необходимо было изучать реальное положение дел. Тяжким было это впечатление. Наблюдения за жизнью крестьян приводят его к мысли о том, что он должен сделать их жизнь более человечной, изменить ее. Осенью 1853 года он начинает в Васильевском "записку" об управлении крестьянского права и заканчивает ее в 1854 году, возвращаясь к ней еще в течение двух лет. "Записка" приобрела широкую известность в кругу общения Самарина, была она известна и правительству. Так Самарин стал одним из самых

компетентных в России людей в вопросе о положении крестьян и крепостном праве. Летом 1858 года Юрий Федорович заранее, до открытия губернского комитета, приезжает в Самару. Вот как оценил эту ситуацию Б. Э. Нольде: "Самарин... очутился в среде губернского комитета, составленного из представителей более или менее захолустного дворянства отдаленной, еще мало заселенной, восточной русской окраины, людей мало подготовленных, в массе, к предстоящей работе, весьма средних по своим дарованиям, ничем не вооруженных, кроме инстинктивного желания защитить свои права и свои интересы в качестве собственников этой земли, за счет которой должен был осуществляться самаринский идеал социальной справедливости"¹⁶. Губернский комитет встретил Самарина с настороженным предубеждением. Надо сказать, что Ю. Ф. Самарин скорее был либеральным консерватором, выступал за постепенное проведение реформ, длительное переходное состояние крестьян. Но он был убежден в необходимости двух условий: наделении крестьян пахотной землей и сохранении общинной организации. Причем размер надела должен быть практически дреформенным. Но и такая умеренная позиция вызывала резкий протест со стороны большинства самарского губернского комитета, в составе которого было 14 человек. Председателем комитета был губернский предводитель дворянства А. Н. Чемодуров, занимавший центристскую позицию, но симпатизировавший К. К. Гроту, стороннику реформы. Двое депутатов: Д. Н. Рычков от Бугульминского и А. А. Шишков от Бузулукского уездов стали верными последователями Самарина. К ним по некоторым вопросам примыкали братья И. Д. и А. Д. Лазаревы, игравшие в комитете довольно заметную роль. В материальном отношении дела их обстояли неважно. Имения Лазаревых в Ставропольском и Новоузенском уездах были почти разорены. Братья Лазаревы перевели из Пензенской и Симбирской губерний в деревню Лазарево-Займище 339 человек обоего пола и собирались перевести еще 121 душу. Через год исправник доложил губернатору (а в 1860 году губернатором уже был Н. А. Замятин), что крестьяне еще живут в землянках, находятся в бедственном положении, а десять семей остаются неустроеными. Уже перед самой реформой в ноябре 1860 года И. Д. Лазарев писал: "...крестьяне не только нерадивы, грубы и непослушны, но и

просто бунтуют ...Поправить это дело теперь, по моему мнению, можно только военным постоеем. Я убежден, что при военном постое они заплатят по 25 рублей серебром, положенных мною с тягло.¹⁷ Лазаревы видели в освобождении крестьян средство улучшить свои собственные расстроенные дела и мечтали о получении выкупных платежей.

Главой консервативной партии в губернском комитете был бугургуринский уездный предводитель дворянства отставной штаб-ротмистр Иван Петрович Рычков, однофамилец союзника Самарина. Этот уже старый человек, привыкший в течение 25 лет "самодержавствовать" в губернии, с трудом мирился с предстоящей реформой. Именно против него Самарин направил все свое полемическое искусство. Стычки принимали драматический оборот, ситуация накалялась до предела. Ю. Ф. Самарин в письме к А. И. Кошелеву описывает сложное положение, возникшее в комитете: "... Мы держимся только примерным хладнокровием, ангельским долготерпением и безукоризненностью обращения. Но дела приняли такой оборот, что мы, то есть Шишков, Рычков и я, дали знать противной партии, что если из нас вынужден будет драться, то драться будут уже все трое и не примут никаких объяснений и извинений. Завтра сюда приедет Катенин по этому делу. Не знаю, чем кончится, но добрых последствий не ожидаю."¹⁸ Однако в конце концов дебаты несколько приутихли. Катенин сыграл роль третейского судьи, посоветовав Самарину беречь самолюбие крепостников, видевших свою интеллектуальную и политическую убогость и переходивших к прямым оскорблению. Работа продолжалась. Львиную долю работы комитета исполнял Самарин. Он имел наготове свой проект положения о крестьянах, вопросы, которые не встречали противодействия со стороны комитета, заносились в проект в формулировках, предложенных им. Он проработал около 800 описаний помещичьих мнений по уездам, заново составив своды описаний. Далось это, по словам самого Юрия Федоровича, ценою поседевших волос. Повсюду шла подтасовка фактов, с которой практически невозможно было разобраться. Самарин обнаружил, что "во всех представленных выводах (поездные своды, описания самих помещиков) надел у крестьян уменьшен где на 2, а где на 4 десятины на тягло."¹⁹ Делалось это с целью полу-

ния больших выгод от освобождения крестьян, так же, как и завышение норм повинностей крестьян. Проверка вызвала злобный ропот большинства членов губернского комитета. Новый лидер большинства Б. П. Обухов - будущий самарский губернатор, дворянский предводитель и товарищ министра внутренних дел оказался вполне достойным противником для реформаторов. Он входил еще в состав Депутации от дворян к Николаю I по поводу образования новой губернии и самостоятельного дворянского общества 25 августа 1851 года²⁰.

Самарин, при частичном соглашении с большинством, все же настаивал на ограждении экономических интересов крестьян от посягательств помещиков, хотя и не торопился предоставить им личные права и свободы. Мало того, он считал, что поскольку будет иметь место переходный период, во время которого сохранятся элементы крепостного права, основанного на принуждении, то нельзя сразу отказываться в управлении крестьянами от принудительных методов. Вот какие меры он предлагал использовать для этого переходного периода для обеспечения исполнения повинностей: круговую по руку (принято единогласно), право общины сдавать своих недостаточных членов в работу, в рекруты и продавать квитанции, ссылать должников (тоже принято). Для справедливости следует сказать, что он резко выступал против предложений самарских "плантиков" об обращении недоимщиков в барщину и конфискации земли в пользу помещика. В свою очередь Самарин подвергался критике со стороны губернатора, архиерея, благонамеренных чиновников и многих благородных людей, непомещиков²¹.

Споры отражались и на страницах периодических печатных изданий губернии. В "Самарском благоустройстве" (редактор - Ф. И. Кошелев) была опубликована его переписка с "самарским помещиком" П. А. Булгаковым, где автор излагал свои возражения против обязательного и незамедлительного выкупа крестьян.²² П. А. Булгаков - известный в то время деятель, бывший и губернатором, и директором провиантского департамента военного министерства, оказавшим огромные услуги русской армии во время Крымской кампании. Булгаков был богатым помещиком и пользовался авторитетом далеко за пределами губернии. В Самаре он оказался в разгар споров

о выкупе и занимал позицию благожелательного центра. Будучи сторонником обязательного выкупа, он председательствовал в административном отделении редакционных комиссий²³.

Ю.Ф. Самарин также принимал участие в работе редакционных комиссий в качестве члена-эксперта, получив официальное приглашение 22 марта 1859 года. После завершения работы Самарского губернского комитета в мае 1859 года он рассматривал две его записки: от "большинства" и от "меньшинства". Защита записок в редакционных коллегиях соответственно проводилась Б.П. Обуховым и Ю.Ф. Самариным. Там и продолжалось противостояние этих двух представителей самарского дворянства.

Неполным был бы рассказ о представителях самарского дворянства накануне реформ без краткой характеристики личности самарского губернатора с 1855 по 1861 год Константина Карловича Грота. Грот родился в семье, происходящей от немецкого пастора, переехавшего в Россию и своими трудами снискавшего расположение императорской фамилии. В семье очень ценились ум, образование, культура. Недаром брат и племянник самарского губернатора стали российскими академиками. Сам Грот закончил Царскосельский лицей, служил в разных министерствах, в том числе и в Министерстве внутренних дел. Во время службы в Петербурге в 40-е годы он сблизился с братьями Милютиными и К.Д. Кавелиным. Эти и другие чиновники составляли тогда цвет "просвещенной бюрократии". Грот был назначен губернатором Самары в 38 лет. Ему удалось создать штат грамотных, честных и ему лично преданных молодых чиновников. За счет полулегальных мер он увеличивал довольно значительно скучное дотоле их жалование²⁴. Грот постоянно находился в разъездах по делам губернии, знал лично всю местную уездную администрацию. Не упускал случая наказать виновного чиновника за злоупотребление, если вина того была доказана. Сам себе онставил в заслугу тот факт, что "ввел в губернии гласность", дав указания печатать в газетах как центральные материалы, так и статьи из прогрессивных журналов по готовящимся реформам и крестьянскому вопросу, а также "разглашал разные низкие и скверные действия"²⁵ жителей губернии, в том числе и дворянства. Никогда не оставлял без внимания жалобы крестьян на плохое обращение с ними помещиков.

Вот такой предстает перед нами панорама самарского дворянства, постоянно живущих здесь провинциалов, ярких интересных личностей, чья роль не ограничивается рамками губернии. Конечно, историки никогда не думали, что дворянство накануне реформ представляло из себя единый монолит. Но не слишком ли просто мы делили их на "сторонников капиталистических реформ" и "крепостников", в то же время твердя о том, что между ними по существу не было никакой разницы?

На наш взгляд, не надо однозначно определять только экономическими причинами позицию помещика и дворянина накануне реформ 60-х годов XIX века. Почему, например, те же среднепоместные дворяне в условиях одной губернии и одного уезда в одном случае могли ориентировать свое хозяйство на вольнонаемный труд и рынок, а в другом случае - нет? Далее, при оценке событий прошлого полезно учитывать социальную психологию основных классов и сословий общества. И необходимо понять, что часть господствующего сословия в силу обстоятельств и личных качеств может встать на сторону общенациональных интересов, интересов развития общества в целом, а не собственных, узокорыстных, с которыми будет бороться. Ведь при любых социальных и политических условиях существует целая палитра взглядов и мнений, кроме пресловутых "за" и "против". Есть, кстати, и "центр", который нельзя обходить вниманием. На многие вопросы еще предстоит ответить, поскольку каждому поколению людей свойственно смотреть на прошедшее в свете его сегодняшнего и завтрашнего. И поэтому неудивителен наш интерес к "эпохе Великих реформ", к жизни общества той поры.

Примечания

1. ГАСО. Ф. 430. № 157. Л. 2.
2. ГАСО. Ф. 216. ОП. 1. № 79. Об. 80.
3. ГАСО. Ф. 430. Д. 76. Л. 40.
4. Самарские губернские ведомости.
5. Самарские губернские ведомости. 1858. № 20.
6. ГАСО. Ф. 430. Д. 192. Л. 4.
7. ГАСО. Ф. 430. Д. 454. Л. 51-63.
8. Самарские губернские ведомости. 1860. № 34.

9. Самарские губернские ведомости. 1858. № 6.
10. Там же
11. Нольде Б.Э. Юрий Самарин и его время. Париж 1978.
12. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. № 478. Л. 3. Об.
13. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. № 454. Л. 20. Об.
14. Самарские губернские ведомости. 1858. № 15.
15. Нольде Б.Э. Указ. соч.
16. Там же.
17. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 644. Лл. 11-19.
18. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. Т. 1. М. 1901.
19. Там же.
20. ГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 771. Л. 1.
21. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского. М. 1901.
22. Нольде Б.Э. Указ. соч.
23. Литvak Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформенная альтернатива? М. 1991.
24. Константин Карлович Грот как государственный общественный деятель. Петроград. 1915.
25. Там же.